

Группу «Tiger Lillies» я узнал довольно давно, еще в юности. Родители принесли домой диск с мрачной графической обложкой. Я вложил диск в компьютер — и комнату напоявил резкий, как визг тормозов, фальцет. Сперва я решил, что это женщина.

— Какая, однако, мощная тетка, — поражался я. А после узнал, что это Мартин Жак, вполне себе мужчина и солист группы. Другие два члена коллектива — оба Эдрианы, Стаут и Хьюдж, контрабасист и ударник. Это трио из Лондона существует уже долгий срок — с 1989 года — и постоянно выдумывает что-нибудь новое и занятное, но не отклоняясь от своего образа.

Сами они заявляют, что работают в жанре грандж-роль с элементами брехтовского кабаре. Их внешний вид вполне соответствует такому определению: котелки и жилетки, набеленное лицо Мартина Жака как злая карикатура на «грустного Пьеро» — будто их обладатели только что вышли из отчаяния еймарской республики или из притона Мэкки-Ножа. Такие вот ретропанки; впрочем, панками их тоже любят называть.

Мартин Жак и два Эдриана: чем страньше, тем лучше.

В жизни не все смешно

НЕДАВНО В НАШЕМ ГОРОДЕ ВЫСТУПАЛА ОЧЕНЬ ЗНАМЕНИТАЯ ЛОНДОНСКАЯ ГРУППА «ТИГРОВЫЕ ЛИЛИИ». НА КОНЦЕРТЕ ПОБЫВАЛ И В ГРИМЕРКУ ЗАГЛЯНУЛ Федор ДУБШАН

К нам в Россию они ездят часто. Наверное, за какое-то созвучие русской тоске их здесь особенно любят: они писали музыку для фильма Сергея Бодрова-старшего «Давай сделаем это по-быстрому», сотрудничали с группой «Ленинград» и записали совместный альбом с нецензурным названием «Х...я», принимали участие в Театральной олимпиаде 2001 года и Московском кинофестивале. И конечно, ежегодные концерты.

Само собой, лучше места, чем площадка на заводе «Красный треугольник», было не найти: угрюмые индустриальные постройки начала XX века, красный кирпич и заводские трубы — самое то для панк-кабаре. Я нашел «Лилии» в гримерке. Мартин Жак, уже в брюках и жилетке, собирался нанести грим. Он раздумывал, куда бы пристроить большое зеркало. Волосы на затылке у Мартина были заплетены в тугую косу примерно до пояса. Рядом за столом сидели оба Эдриана. Стол был покрыт белой скатертью и зава-

Вообще не все смешно в жизни. Или, точнее, ничто не смешно постоянно. Вот, к примеру, если вы с кем-то занимаетесь любовью, вы же не станете все время ржать. Какое-то время смешно, а потом уже нет. А есть и вообще грустные вещи.

лен остатками еды. На кремового цвета стенах висели электрические канделябры. Обстановочка — атмосферная.

МЫ БАНДА СТАРЫХ ЧУДАКОВ

— вы всегда сами накладываете грим, без чужой помощи? — не нашел ничего лучшего спросить я.

— О да. Иначе никак, — загадочно ответил Мартин Жак, рисуя на щеках сердечки и подводя помадой губы.

— Эдриан, — представился ударник. — А у вас тоже отличная шляпа, — заинтересовался он, — по виду из пятидесятых. У них на ленте сзади всегда такой бант...

— А вы одеваетесь в стиле какого-то конкретного времени?

Э. Х.: — Мы одеваемся в стиле прошлого. Вообще «прошлого».

— И где берете костюмы?

Э. Х.: — В винтажных магазинах. Тут много деталей одежды очень старых. Особенно мой жилет — раритетная вещь! Вот ботинки будут поновей... — Дурацкий вопрос, может быть: и в жизни тоже так ходите?

Мартин Жак: — Ну нет, вообще я и в джинсах по улице хожу. Летом — в шортах, запросто.

— Одно дело — повседневная одежда, другое — костюм для выступления, — заметил Эдриан Стаут, контрабасист, который все это время задумчиво наигрывал что-то на банджо и подрисовывал себе тоненькие, как у Кларка Гейбла, усики. В них он делался неуловимо похож на маньяка. — Одежда —

это так же важно для имиджа, как и звучание. Кроме того, когда уже есть идея, как одеваться, как-то проще становится. Ты знаешь, в чем можно выйти на сцену, а в чем — нет. Иначе я бы все время переживал по этому поводу.

Э. Х.: — Ну и потом, мы бы не смотрелись в молодежном прикиде. Он так старикам, как мы, не очень-то подходит. В джинсах и футболках мы были бы просто стайкой старых придурков.

М. Ж.: — Ну да. А так мы выглядим как банда старых... чудаков.

— Идея именно такого состава и такой стилистики была ваша?

М. Ж.: — Меня вдохновляли Жак Брель, Эдит Пиаф, хотелось создать что-нибудь в этом роде. Ну я и придумал, что можно петь контратенором и играть на аккордеоне. А потом думаю: сюда нужно еще контрабас и барабаны. Так и сложилось. И с тех пор практически не менялось.

— А добавление музыкальной пилы, которая такой безумный звук дает, вы придумали, Эдриан?

Э. С.: — Да, захотелось добавить что-нибудь такое непонятное, таинственное. Не электрогитару, а что-то, к чему люди не привыкли, что вызывает совершенно другие ассоциации. Подумали: что подойдет к аккордеону? Ну и выбрали пилу.

ИТАЛЬЯНЦЫ НАС НЕ ПОНИМАЮТ, А ВОООЩЕ ЛЮДЯМ НРАВИТСЯ

— Последнее время вы каждый год приезжаете в Россию; с этим нам, конечно, повезло. Аудитория как-то особенно хорошо воспринимает ваш творческий посыл?

Э. С.: — Ваша публика нас действительно хорошо принимает. Не все, правда, разбирают слова. Но им зато нравится музыка, они ловят атмосферу. Вообще мы столько гастролируем по другим странам, что привыкли: слова никто не понимает, все слушают музыку. А вот только что мы отыграли на фестивале «Фриндж» в Эдинбурге — и они слушали, про что мы поем! Каждое слово ловили. У нас ведь довольно много всякой игры в текстах, каламбуров.

— ас все еще считают скандальны-

ми? Кто-нибудь негодует насчет вашего черного юмора ну и всего прочего сквернословия, богохульства в текстах?

М. Ж.: — Да постоянно. Каждый раз, как мы играем, — кто-то обязательно обижается.

Э. С.: — Здесь, в России, было потрясающе: мы играли на Московском кинофестивале. И кто-то написал статью — выяснилось, что мы самая гадкая команда в мире, что мы гомосатанисты, играем только для скинхедов, ненавидим негров и женщин. И лично я, оказывается, коллекционирую платья убитых проституток. Что мы все такие извращенные...

М. Ж.: — Ну вот это вообще-то правда.

— Я слышал, что у вас есть свое цирковое шоу.

М. Ж.: — Да, мы сейчас едем в Прагу, а в следующем месяце как раз будем давать цирковое шоу в Берлине.

— Это напрашивается в дополнение к вашей музыке.

М. Ж.: — Да, оно очень подходит. У нас же вся музыка слегка цирковая. Это даже скорее не цирк, а шоу уродов, фрик-шоу. Людям нравится. Может быть, мы с ним устроим кругосветный тур. Пока мы его возили в Грецию, Германию, Австрию, Венгрию, Испанию...

— А есть ли страна, где вашу музыку и юмор вообще не понимают?

М. Ж.: — Наверное, Италия. Почему-то итальянцы вообще это все не воспринимают. Может, дело в том, что они довольно старомодные. Слушают Рамазотти, рок всякий. Классики тоже любят. А в нас не врубаются.

— Может, вы их отталкиваете шуточками на религиозные темы?

М. Ж.: — Да навряд ли. Мы отлично играли в странах с сильной католической традицией — в Польше, Ирландии. Там публика была в восторге.

— вы подтруниваете над любовью, над смертью, надо всем на свете, кажется. Есть ли какая-нибудь тема, над которой вы не стали бы шутить?

М. Ж.: — Даже и не знаю. Любопытный вопрос. Вообще не все смешно в жизни. Или, точнее, ничто не смешно постоянно. Вот, к примеру, если вы с кем-то занимаетесь любовью, вы же не станете все время ржать. Какое-то время смешно, а потом уже нет. А есть и вообще грустные вещи.

Мартин Жак уже закончил гримироваться, лицо его было похоже на маску актера японского театра кабуки. Я отправился в гущу публики, а «Лилии» вышли на сцену. И рев толпы перекрыли истерические, душераздирающие звуки аккордеона и летящий над угрюмым «Красным треугольником», надо всем Обводным каналом его пронзительный контратенор.